

Теперь с Финляндией покончено. Вот и оправдательные документы. К ним нужно прибавить еще 250 ф. м., которые я дал на бумагу. Слава Богу, чувствую себя, как будто бы ранец с камнями сброшен с плеч. Не скрою от Вас, что получить лишь мой гонорар было бы теперь необыкновенно кстати, за исключением, конечно, той суммы, которую придется уплатить за перевод нехватки.

Ваш сердечно А. КУПРИН

P. S. И ведь какой прохвост! На разнице курсов этот Римап все мог выкроить около 500.

Х

[лето 1920]

1, rue Jacques Offenbach. Paris (XVI).

Дорогой Евгений Александрович.

Милые горные цветы окончательно растопили ледник в моем сердце, и потому горячо благодарю Вас за Ваше чудесное письмо. Мне так тяжело было думать, что между нами лежит какой-то неуклюжий холодный снежный сугроб.

Да и то сказать: Вы вовсе не были несправедливым, относясь ко мне не вполне доверчиво? С беспощадной ясностью сознаю я теперь, как я был в старые буколические времена расточителен и небрежен — и в отношении к кредиту у общественного мнения, и в выборе знакомств, и к собственному — извините за смелость — дару. Вот афоризм — да и притом — мой собственный: «В первую половину своей жизни человек делает так много глупостей лишь для того, чтобы во второй исправлять их тяжело и безрезультатно». На мне это изречение оправдывается наиболее жестоким образом. Кто поверит тому, что жизнь под большевиком сделала меня кротким, вежливым и вдумчивым стариком?

Жму крепко Вашу руку и приступаю к делу.

Граф Толстой Алексей Николаевич просил меня известить Вас, не купите ли Вы у него два романа: «Хромой барин» (бывший в издании, но переработанный) и — забыл заглавие, другой, тоже бывший в издании. Его адрес 48 bis, Raupouard, Paris (XVI).

Если у Вас что-то с грудью — послушайте моего глупого, простонародного совета. Ешьте как можно больше свиного сала с чесноком, под всякими видами; при еде употребляйте востимое и не неприятные для Вас количества чистого алкоголя, ложитесь спать рано, но рано и вставайте, и, ничего не делая, дышите чистым воздухом час-два. Это испытанный метод.

Скажите, о чем Ваша книга? Так, с птичьего d'oiseaux... Может быть, найдем что-нибудь?

Газета здесь — ах, как нужна! Не выбьешься из шор партийности, и писать нудно. Но где же человек, который осмелится дать денег на прямую, индивидуалистическую, беспартийную газету, любящую в данный момент мою родину? С[оциалреволюционе]ры не позволяют трогать большевиков, плехановцы — с[оциалреволюционе]ров. Все они, вместе, поместили неприкосновенный еврейский вопрос под Божьим милосердием... Здесь жестче, чем в Гельсингфорсе.

Теперь о переводе. Неделю тому назад я обработал «Исповедь безумца» до 240-й страницы шведского текста. К сожалению, переписка на машинке запаздывает, не успевают за подстрочником и моими правками.

Как только половину романа в окончательной отделке я переправлю Вам, буду телеграфом просить перевести в Гель[сингфор]с г. Рейману еще 500 кр., чеком банка на банк. Это мой окончательный расчет с сотрудниками, которым я плачу с неслыханною — царской щедростью (в общем 1000 кр.). Поставив же точку, приписав посредине слово «конец» и внизу справа — ред. А. Куприн, — попрошу и мне перевести мои